

УДК 82

МНЕМОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Д. В. Слепова, К. А. Сундукова

В данной работе рассматривается воссоздание и интерпретация вспомиательной деятельности рассказчика в рамках повествовательной структуры романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». Показано, каким образом в текст, претендующий на жанр записок, встраиваются также воспоминания других героев. Обращается внимание на «пограничную ситуацию», в которой находится нарратор. Выявляются черты мнемонического дискурса в романе (наличие центрального вспоминающего сознания «Я», глаголы памяти, различные способы цитирования, противопоставление времен по принципу «тогда-теперь», разделение на план изображаемых событий и план повествования, пропуск воспоминаний и умолчание о них). Подчеркивается значимость предчувствия и забывания как механизмов работы памяти, рассматривается феномен нарративной повторяемости.

Ключевые слова: форма повествования, рассказчик, поэтика памяти, предчувствие, нарративная повторяемость.

Условия и методы исследования

Роман «Униженные и оскорбленные» занимает важное место в творческом наследии Ф. М. Достоевского, поскольку в нем сочетаются традиции и новаторство художественного поиска. Повествование от первого лица, имитирующее записки героя, требует от исследователя обращения к категории памяти. Фиксация и творческая переработка рассказчиком своих собственных и чужих воспоминаний показывает нам значимость изучения мнемонического дискурса в романе «Униженные и оскорбленные», который еще не становился самостоятельной областью исследования в работах других ученых.

Цель нашей работы – исследование феномена памяти в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» и его влияния на форму повествования. В ходе работы применялись следующие методы, ориентированные на комплексное использование: описательный метод, системно-целостный метод, учитывающий связи в тексте, герменевтический метод, ориентированный на взаимодействие целого и его частей в контексте.

В качестве теоретической базы используются научные работы по проблеме памяти как структурной составляющей поэтики Ф. М. Достоевского, в частности, Д. Э. Томпсон [1], Е. Мнацаканян [2]. Также привлекаются лингвистические разработки в исследовании мнемонического дискурса Л. М. Ньюбиной [3], С. Г. Кузьминой [4], Н. Н. Пелевиной [5]. Под мнемоническим дискурсом, вслед за С. Г. Кузьминой [4], мы понимаем типичную речевую практику, построенную субъектом с помощью реконструкции своего прошлого.

Результаты и их обсуждение

Для записок как одного из мемуарных жанров характерно наличие рассказчика, который сам организует и выстраивает воспоминания в целостную картину [3]. В нашем случае Иван Петрович не просто воссоздает действительность с точки зрения стороннего наблюдателя – он оказывается вовлечен во все происходящие события.

Перед тем, как в деталях воссоздать прошлое, рассказчик говорит о настоящем: «...Но дело все-таки кончилось тем, что я –

© Слепова Д. В., Сундукова К. А., 2023.

Слепова Дарина Викторовна (slepovadarina167@gmail.com),

студент III курса факультета филологии и журналистики,

Сундукова Ксения Алексеевна (avissimplex@gmail.com),

доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

вот засел теперь в больнице и, кажется, скоро умру» [6, с. 174]. Иван Петрович находится в так называемой «пограничной ситуации» – ситуации экзистенциального выбора [7], перед лицом смерти, и вспоминает свою жизнь именно в связи с этим.

Повествование в романе ведется от первого лица, соответственно, возникает центральная фигура «Я» – рассказчика Ивана Петровича, который говорит от своего собственного лица, что подчеркивает вовлеченность повествователя в происходящее.

Это делает возможным выделить и проанализировать черты мнемонического дискурса на разных уровнях романа.

1 Глаголы памяти на лексическом уровне вводятся в произведение для того, чтобы конкретизировать отдельные воспоминания. Для рассказчика весь написанный им текст – одно большое воспоминание, но даже оно включает в себя разные вспоминательные процессы (например, происходившие как в момент изображаемых событий: «Я, брат Ваня, всегда помню, какой ты был славный мальчуган» [6, с. 266], так и в момент их фиксации в письменном виде: «Вообще, вспоминаю теперь, я редко был в таком тяжелом расположении духа, как засыпая в эту несчастную ночь» [6, с. 289]).

2 Противопоставление «тогда-теперь» на уровне художественного времени – это оппозиция времен внутри самих событий, которые, по Д. Э. Томпсон, связаны с утверждающей и отрицательной памятью: «... те, что утверждают систему христианской памяти, и те, что ее отрицают» [1, с. 82]. Прошлое – хорошо (детство и юность Наташи и Вани), настоящее – плохо (удушающий мир Петербурга, разрыв Наташи с родителями, болезнь Вани). Время «тогда» ощущается как идиллическое, безвозвратно потерянное, «теперь» же приравнивается к времени биографическому, развертывающемуся линейно и необратимо.

3 Воспоминания рассказчика и других героев – прямое и косвенное цитирование. На уровне повествовательной структуры воспоминания в романе могут относиться как к плану повествования, так и к плану изображаемого. Для героев характерно появление их «тогда», когда происходили описываемые Иваном Петровичем события, то есть в прошлом, этими

воспоминаниями персонажи делились с рассказчиком, и он сохранил их в памяти. У нарратора же воспоминания чаще всего возникают «теперь», в настоящем, в момент оформления записок: «Даже и теперь, когда я вспоминаю о ней, я не иначе представляю ее, как всегда одну в бедной комнатке, задумчивую, оставленную, ожидающую, с сложенными руками, с опущенными вниз глазами, расхаживающую бесцельно взад и вперед» [6, с. 274].

В сценах, в которых непосредственно участвует несколько человек, воспоминания передаются через прямую речь. Косвенно они оформляются в том случае, если рассказчик уточняет увиденное или добавляет то, что проанализировано и замечено им не на момент изображаемого, а на момент повествования: «Доктор рассказывал мне, что он так и обмер, когда увидел у себя Нелли, и все время, пока она была у него, “не верил глазам своим”» [6, с. 399]. Получается своеобразная матрешка – воспоминание в воспоминании.

На сюжетно-композиционном уровне мы видим, что композиция романа причудливо следует за сознанием рассказчика. Хронология событий часто нарушается, иногда без объяснения причин. Пропуски воспоминаний нарратора характерны для четвертой части романа, отличающейся наибольшей напряженностью в развязке событий. Так, например, рассказ о двухнедельной болезни Нелли оказывается как бы вынутым из общего повествования, хотя к некоторым ключевым моментам Иван Петрович все же возвращается (сцена с доктором). О других памятных эпизодах рассказчик просто умалчивает. Ему тяжело вспоминать, как Алеша навсегда, сам того не зная, прощался с Наташей: «Не буду говорить, не хочу вспоминать об этой сцене» [6, с. 421].

За Предчувствие и забывание. Кроме того, мнемонический дискурс строится не только, собственно, на воспоминаниях, но и на предчувствиях и забываниях, отражающих работу памяти. Мемуарное начало выражается в предчувствиях, поскольку нам никогда не дают забыть, что события происходили в действительности, раз можно было предугадать, что последует за ними в дальнейшем: «Я предчувствовал ей много мук впереди и смутно заботился, как бы их обойти, как бы

облегчить эти последние минуты перед окончательной развязкой всего дела» [6, с. 386].

Рассказчик как бы пишет наперед. Он знает, к чему его приведет встреча со Смитом, с чем столкнется Наташа, уйдя из родительского дома, как повернется его собственная и ее жизнь. То есть предчувствия Ивана Петровича фиксируют нас в точке времени рассказывания, в процессе воспоминания и изложения уже случившихся событий.

Забывания героев чаще всего связаны с нежеланием человека помнить что-то, сознательным или бессознательным вытеснением информации из памяти или незначительностью забытого. Утраченные воспоминания могут быть представлены тремя видами: отрицанием способности помнить что-либо; припоминанием, то есть частичным извлечением неких фактов; «забыванием-воспоминанием», наиболее полным восстановлением пробелов в памяти.

В разговоре, происходящем между Иваном Петровичем и Николаем Сергеевичем, появляется пересечение воспоминаний о критике Б., судьба которого очень похожа на судьбу рассказчика: «А знаешь, Ваня, я ведь это заранее предчувствовал, что так с ним кончится, еще тогда, помнишь, ты мне его все расхваливал» [6, с. 212].

4 Нарративная повторяемость. Интересна сюжетная линия семейства Смитов, события которой неоднократно излагаются с разных точек зрения. После воспоминания о первом знакомстве с Нелли Иван Петрович попутно, описывая свои визиты к старикам Ихменевым и Наташе, включает воспоминания о тех событиях, которые произошли в те полгода, когда девушка стала жить с Алешей. Получается, что история семьи Нелли накладывается на историю семьи Ихменевых.

Ж. Женетт в своей книге «Повествовательный дискурс» использует термин «нарративная повторяемость»: «Схематически можно сказать, что повествование, каково бы оно ни было, может излагать один раз то, что произошло один раз, n раз — то, что произошло n раз, n раз то, что произошло один раз, один раз — то, что произошло n раз» [8, с. 142].

Применительно к роману Достоевского «Униженные и оскорбленные» сюжетная линия семьи Нелли излагается несколько раз с повторяющейся или разной событийной

наполненностью. Воспоминания об этой ведущей истории романа даны, с одной стороны, не линейно, а фрагментарно, а с другой стороны, мы видим ее глазами пяти героев.

Первым и главным нарратором выступает сам рассказчик Иван Петрович, который выстраивает свои и чужие воспоминания в нужной ему последовательности. Далее сама Нелли рассказывает о событиях своей жизни сначала Ивану Петровичу, а потом в доме Ихменевых, сравнивая воспоминания о дедушке с впечатлением, которое на нее произвел не желающий простить дочь Николай Сергеевич: «Он был злой и ее не прощал... как вчерашний злой старик...» [6, с. 307].

Филипп Филиппович Маслобоев знает о Смидах, в основном, по слухам, поэтому, пересказывая Ване историю девочки, что-то не договаривает или преувеличивает. Князь Валковский тоже излагает свою версию того, как он обманул мать Нелли: «Она подарила мне свои деньги сама, и они уже были мои» [6, с. 383]. Николай Сергеевич Ихменев изначально со слов Ивана Петровича формирует мнение о Нелли, затем ему удается провести параллель между своим положением и ее историей, что в конце концов позволяет примириться с собственной дочерью.

Мы видим, что история семьи Нелли вправлена в структуру повествования как «воспоминание в воспоминании» разных героев. Если Нелли, Маслобоев, князь Валковский, Ихменев интерпретируют сюжетную линию Смитов в зависимости от своей роли в этой истории, то отношение к ней рассказчика объясняется его деятельностью. Мы воспринимаем Ивана Петровича как самого главного нарратора, чья литературная карьера объясняет жанровые особенности его текста о воспоминаниях.

5 Романное начало. Записки рассказчика в жанровом отношении тяготеют к роману. Иван Петрович дословно воспроизводит реплики героев, но не подтверждает точность их воспроизведения: «Я, брат, только не умею выразиться, но ты меня понимаешь; любя говорю» [6, с. 185]. Так, высказывание Николая Сергеевича с лингвистической точки зрения оформляется верно, преподносится нам как некая заданность, но проверить аутентичность прямой речи на момент изображаемых событий и их фиксации не представляется возможным.

Интересно, что ключевое событие, внесшее разлад в жизнь Ихменевых, – уход Наташи из родительского дома – Иван Петрович относит к сентябрю, то есть оно произошло за полгода до событий первой главы. Рассказчик не начинает с него свое повествование, а возвращается к этой истории по мере надобности – в первую очередь для того, чтобы провести зеркальную параллель с семейством Смитов. Хронология нарушается, и события четырех месяцев косвенным образом растягиваются на десять – с сентября по март (фрагментарно) и с марта по июнь (последовательно).

Записки включают очевидные параллели между сюжетными линиями: семейства Ихменевых и Смитов в широком смысле, в узком смысле – противопоставление и соотношение отдельных героев (Николай Сергеевич и Смит, Наташа и мать Нелли). Соответственно, как писатель, рассказчик оформляет воспоминания и в художественном отношении.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что основными чертами мнемонического дискурса, характерными для романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», являются следующие особенности: повествование от первого лица; глаголы памяти; противопоставление «тогда-теперь»; план воспоминаний (соотношение событий повествования и изображаемого); прямое и косвенное цитирование; пропуск воспоминаний или умолчание о них; наличие предчувствий рассказчика как точки нахождения во времени рассказывания; забывание и пересечение воспоминаний; нарративная повторяемость. Все это оказывается важным для того, чтобы понять не

только «что», но и «как» и «зачем» рассказчик и другие герои вспоминают о событиях прошлого, сопоставляют их с настоящим, пытаясь предугадать будущее.

Литература

1. Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти // пер. с англ. Н. М. Жутовской и Е. М. Видре. СПб.: Акад. проект, 2000. 344 с.
2. Мнацаканян Е. Значение и роль воспоминания в художественной практике. Фрейд – Достоевский – Гейне // Wiener Slawistischer Almanach. Bd 16. Wien, 1985. С. 35–80.
3. Ньюбина Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования: на материале немецкой литературы воспоминаний XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 36 с.
4. Кузьмина С. Г. Когнитивно-речевые особенности автора мнемонического текста // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 1. С. 12–19.
5. Пелевина Н. Н. Субъектно-речевая структура научного и художественного текстов: сходства и различия. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2007. 206 с.
6. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные // По собр. соч. М.: Правда, 1987. 480 с.
7. Мануковский В. В. Экзистенциальное содержание понятий «встреча» г. Марселя и «пограничная ситуация» К. Ясперса // Вестник ЧелГУ. 2012. № 4 (258). С. 122–125.
8. Женетт Ж. Повествовательный дискурс. Работы по поэтике: в 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.

MNEMONIC DISCOURSE IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE HUMILIATED AND THE INSULTED»

D. V. Slepova, K. A. Sundukova

The article deals with the reconstruction and interpretation of the narrator's recollection activity within the narrative structure of F. M. Dostoevsky's novel «The Humiliated and the Insulted». It is shown how the memories of other characters are also embedded in the text claiming to be the genre of notes. Attention is drawn to the «borderline situation» in which the narrator finds himself. The features of mnemonic discourse in the novel are revealed (the presence of a central «I» remembering consciousness, memory verbs, various ways of quoting, the juxtaposition of tenses on the principle of «then-now», the division into the plan of depicted events and the plan of narration, the omission of memories and silence about them). The importance of premonition and forgetting as mechanisms of memory is emphasized, the phenomenon of narrative repetition is considered.

Key words: narrative form, narrator, poetics of memory, premonition, narrative repeatability.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023 г.